

РИТОН ИЗ БРАТОЛЮБОВСКОГО КУРГАНА (к вопросу о датировке центрального захоронения)

В тайнике центральной могилы Братолюбовского кургана в числе прочих реликвий был обнаружены остатки ритона¹, впоследствии реставрированного (рис.1, 1). Детали ритона плохо сохранились. Повреждены накладные пластинки на горловине, слегка деформирована головка льва на окончании мундштука. Роговая (?) основа ритона не сохранилась, как и серебряная с позолотой оковка нижней части от обоймы-переходника до мундштука. От нее прослеживались небольшие фрагменты желтовато-серого цвета (Кубишев, Ковальов, 1994: 144). Сохранившиеся металлические детали позволили восстановить форму ритона с большой долей вероятности (*Dal mille al mille*, 1995: cat.36). Общая длина реставрированного сосуда 23 см, диаметр горловины 8,2 см. Горловина была украшена четырьмя пластинами с изображением оленя. Из них две выполнены из тонкого листового золота, а две из серебра, они почти полностью разложились, за исключением мелких фрагментов. Размеры пластинок 7 см – 4,8 см,

высота 6 см. Они были прикреплены к роговой основе при помощи гвоздевидных заклепок с полусферическими головками. Верхний край пластин слегка загнут внутрь, охватывая горловину ритона, а нижний заходит под обойму-переходник. В таком положении, судя по тексту полевого отчета, пластины были зафиксированы при расчистке находок в тайнике. Если это действительно так, то горловина этого ритона была совсем короткой, в отличие от большинства ритонов скифского времени². Известны две находки такого же типа: золотой ритон из 4-го Семибратнего кургана (*SK, 1986, № 110*) середины V в. до н.э. и так называемый малый ритон из тайника северной катакомбы Гаймановой Могилы (*Бідзіля, 1971: 50, рис.5*). Оба они имеют довольно широкий изогнутый («коленчатый») переходник, ограниченный узкими рельефными поясками, гладкий мундштук заканчивается скульптурными бараньими головками. По существу, это не полные ритоны, у обоих отсутствует горловина, выполненная из

¹ Мы придерживаемся традиционной терминологии, хотя в соответствии с древнегреческой традицией, ритонами следовало бы назвать лишь сосуды со сливом, а прочие, в том числе братолюбовский – рогами для питья (Власова, 2000: 46-47, 49).

² Таких форм нет как среди археологических находок (Власова, 2000: рис.3), так и среди ритонов, изображенных на скифских изваяниях (Ольховский, Евдокимов, 1994: табл.14). Все они имели либо резкий перегиб тулова (вероятно, металлические или комбинированные ритоны) или – в случае плавного изгиба тулова – длинную горловину (роговые ритоны?).

³ Е.В.Власова предполагает, что несохранившиеся горловины были выполнены из дерева или рога. Можно предположить, что горловина гаймановского ритона была окована серебром: обломки серебра в большом количестве зафиксированы в нижнем горизонте тайника (информация Ю.В.Болтрика, принимавшего участие в раскопках памятника).

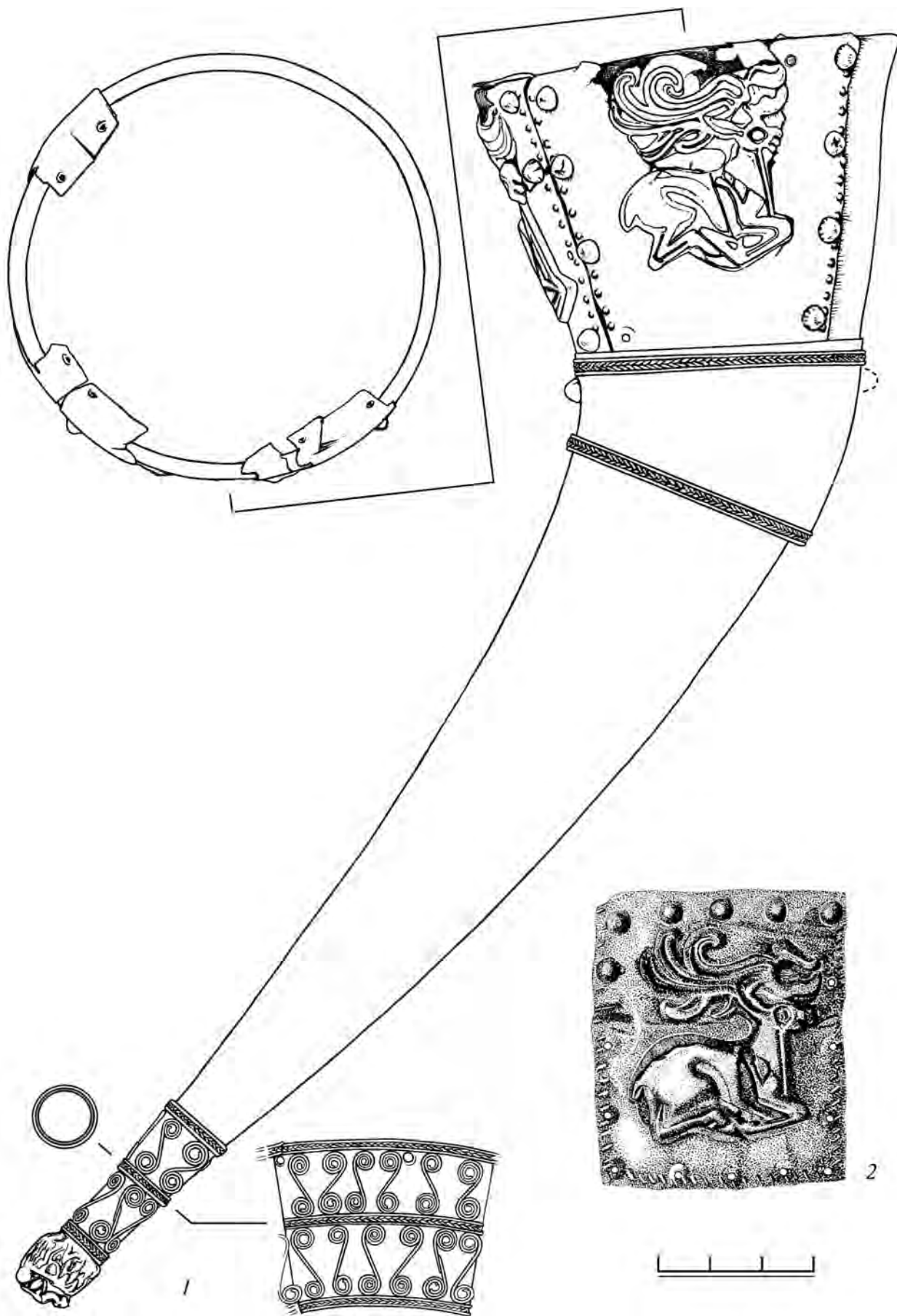

Рис.1. Братолюбовский ритон (1) и золотая пластина из тайника северной гробницы Гаймановой Могилы (2).

нестойких материалов (Власова, 2000: 49)³. Братолюбровский и гаймановский ритоны повторяют друг друга по технике исполнения (окованная позолоченным серебром роговая основа с коленчатым переходником и узким мундштуком) и форме, но у братолюбовского ритона более узкий переходник, а мундштук завершается головой льва. К тому же мундштук украшен тремя горизонтальными поясками рубчатой проволоки, между которыми помещены два фриза с эсовидными валютами, выполненными в технике скани.

Как уже упоминалось, у братолюбовского ритона сохранились *in situ* золотые и серебряные накладки выше переходника, которые позволили реконструировать его горловину, впрочем, неестественно короткую. Горловина гаймановского ритона не была зафиксирована, поэтому вопрос о накладных украшениях не возникал. В горизонте, залегавшем выше ритона, находились «дві дерев'яні чаші кулястої форми... Дерев'яні частини їх повністю розпалися від часу, і замість них стояли по чотири золоті платівки, що прикрашали вінця посудин». На одной из чаш были треугольные пластинки с изображением виноградной грозди, а на другой — прямоугольные, украшенные фигурой лежащего оленя (Бідзія, 1971: 49-50). Судя по схематическому рисунку расположения находок в тайнике⁴, пластины-накладки сгруппированы в противоположной от переходника ритона части тайника. Поэтому приходится, видимо, исключить предположение, что обкладки одной из «чаш» на самом деле принадлежали горловине ритона, положенного раструбом кверху. Так или иначе, 4 пластины с изображением оленя совершенно идентичны пластинам братолюбовского ритона. Если даже они и были украшением чаши, что более обычно для пластин

подобного рода (Манцевич, 1966: рис. 4 и 6), совпадение не только форм и конструкции ритонов, но также и пластин-накладок из двух тайников заслуживают внимания. Эти параллели могут способствовать уточнению даты братолюбовского комплекса, в котором нет надежно датированных находок.

Исследователи сравнивают братолюбовский ритон по таким его элементам как оформление мундштука и переходника. Переходник — гладкая золотая обойма шириной 4 — 2 см, по ее краям прикреплены узкие орнаментированные «косичкой» полоски. Их орнаментация совпадает с орнаментом по краям переходников ритона из кургана №13 у Великой Знаменки (2-я пол. V в. до н.э.) и в центре переходника ритона из Соболевой Могилы (3-я четв. IV в. до н.э.) (Трейстер, 2005: 516, прим.194; Власова, 2000: 58, №11). По оформлению мундштуков указаны такие аналогии как ритоны из Куль-Обы и Толстой Могилы (Власова, 2000: 59). Впрочем, совпадают с братолюбовским экземпляром лишь львиные головки, а орнаментированы они различно. Полной аналогией мундштуку братолюбовского ритона являются украшенные такими же фризами эсовидных валют наконечники золотой гривны из Талаевского кургана, только здесь они несколько уже — в соответствии с толщиной прута гривны (Манцевич, 1957: рис.6). Талаевские наконечники можно, в свою очередь, сравнить с наконечниками плетеной золотой гривны из погребения №2 кургана №2 у с.Корнеевка Запорожской области (Ковалев, Полин, 1991: рис.2, 2, 3)⁵. Это захоронение датировано по амфорам не ранее рубежа V—IV вв. до н.э. (Кац, 1992: 37; Алексеев, 2003: 210-211). Дата талаевского комплекса, к сожалению относится к числу недостаточно определенных⁶.

⁴ Благодарю С.В.Полина, ознакомившего меня с архивными материалами по тайнику северной катакомбы Гаймановой Могилы и передавшего публикуемый здесь рисунок золотой пластины.

⁵ На эти, а также более ранние аналогии мундштуку братолюбовского ритона указывает также М.Ю.Трейстер (Трейстер, 2005: 515, прим.192).

⁶ Ритон из Талаевского кургана был датирован А.П.Манцевич 2-ой четвертью IV в. до н.э. (Манцевич, 1957: 167). Сейчас курган датируют в пределах 400—350 гг. до н.э. (Алексеев, 2003: 296) и даже 3-ей четв. IV в. до н.э. (Мозолевский, Полин, 2005: 373). С.Г.Колтухов, подготовивший публикацию этого комплекса, датирует его 2-3-ей четв. IV в. до н.э. (устное сообщение С.Г.Колтухова).

Для братолюбовского ритона были предложены две даты. Одна из них — конец V в. до н.э. (*Кубишев, Ковальов, 1994: 144*) или просто V в. до н.э. (*Золото степу: 318-319, кат. 120 г; Власова, 2000: 59, № 13*), другая — не позднее начала IV в. до н. э. (*Мозолевский, Полин, 2005: 344*). Приведенные выше аналогии — наконечники гривен из Талаевского кургана и кургана у с. Корнеевка — в сумме дают довольно широкую дату — в пределах 1-ой половины IV в. до н.э., хотя одна из них ближе к последней точке зрения.

Обратимся к анализу изображения на золотых пластинах-накладках братолюбовского ритона. Следует отметить, что пластинки такого типа, в том числе с изображением лежащего оленя, чаще использовались для украшения деревянных чаш⁷ V — начала IV вв. до н.э. (*Манцевич, 1966: рис.4 и б*). Известен еще один случай использования образа оленя для орнаментации горловины ритона. «Сдвоенные» головы оленя с большими рогами помещены, наряду с головами грифона и кабана, на небольших пластинах, образующих узкий фриз по краю горловины ритона V в. до н.э. из кургана 13 у Великой Знаменки. С братолюбовским ритоном можно отметить сходство по таким элементам как орнамент в виде «косички», но двойной, на краях переходников (две широкие обоймы, орнаментированные сложной плетенкой) и форма мундштука, также разделенного на две зоны, с львиной головкой на конце. Тулово ритона было изготовлено из дерева и плакировано серебром (*Золото степу: 318, кат. 120-с*). От братолюбовского и малого гаймановского ритонов он, как и большинство скифских ритонов, отличается резким перегибом тулова и высокой горловиной.

Поза, в которой изображен олень на накладках братолюбовского ритона, характерна для лежащего животного (*Ермолова,*

1980: 362). По отношению к образам звериного стиля выделяют два варианта позы «оленя с подогнутыми ногами»: «летащего», характерного для периода архаики, и лежащего (*Канторович, 1994; 1998*). Братолюбовский олень относится к последней разновидности, хотя большие разветвленные рога, лежащие параллельно спине, напоминают «летащего» оленя. У оленя маленькая голова с большим округлым глазом, укороченной широкой мордой. Основание крупных ветвистых рогов приподнято над головой наподобие пальметки с двумя широкими короткими отростками, направленными вперед и тремя длинными ветвями с плавно загнутыми концами, лежащими над спиной. От нижнего ответвления отходят вниз два отростка. На переходе от шеи к груди помещена гладкая наклонная полоска. Копыта согнутых ног соприкасаются, причем лучезапястные суставы в обоих случаях согнуты. Лопатка изображена в форме крупного треугольника, разделенного продольной линией на две неравные части. Меньшая часть воспринимается как «дробная» лопатка, присутствующая на изображениях V в. до н.э. Большая — правая — часть представляет треугольник с одной изогнутой стороной, вершина его заканчивается двухчастной вставкой.

Выделение специальными значками лопатки и бедра — давняя традиция изображения животных в ближневосточном искусстве (*Канторович, 1994: 73*), в частности, искусства Урарту (*Кисель, 1997: 17-18*) и древнего Ирана. Таким образом, подчеркивались мускулы, соединявшие ногу с бедром или плечом. В скифском искусстве V—IV вв. до н.э. значки на лопатках животных появляются, вероятно, под влиянием искусства ахеменидского Ирана, где они уже превратились в «декоративную абстракцию» (*Переводчикова, 1994: 131;*

⁷ Золотые накладки сосудов, в том числе с изображением оленей, входят в комплекс II группы памятников культуры классической Скифии V в. до н.э. (*Алексеев, 2003: рис.26, 21*). Вполне вероятно, что ряд пластин с отверстиями для прикрепления и с закраиной сверху могли украшать горловины ритонов (см. *Власова, 2000: 51, 57*). Например, идентичные изображения стилизованной орлиной головы помещены на золотых накладках чаши из I Завадской Могилы (*Мозолевский, 1980: рис.47*) и раструбе ритона на каменном изваянии из Терновки (*Ольховский, Евдокимов, 1994: кат.11*).

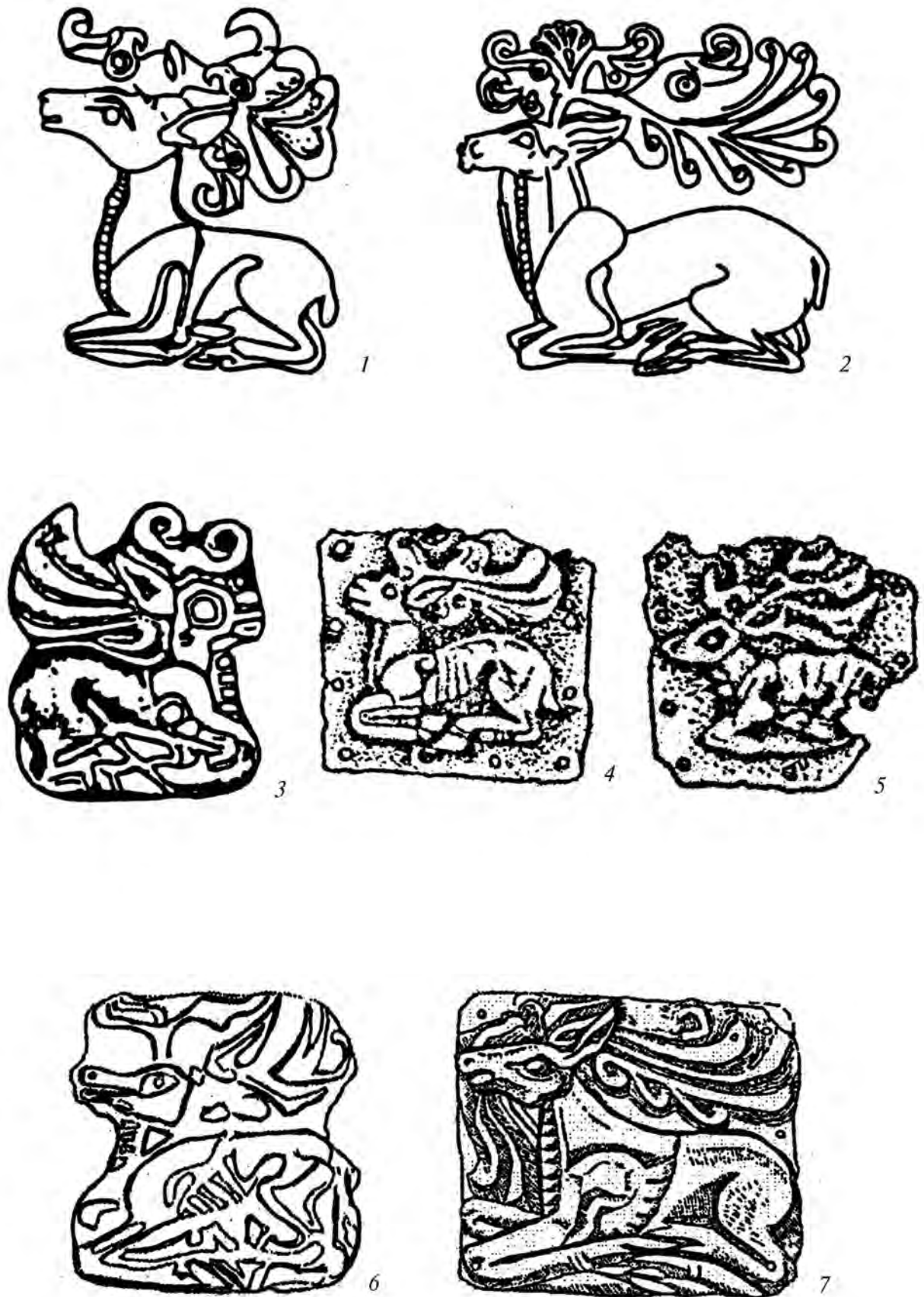

Рис.2. Изображения оленей на золотых накладных пластинах V–IV вв. до н.э.

1 – Ак-Мечеть; 2 – 1-я Завадская Могила; 3 – Солоха, боковое погребение; 4 – Яснозорье, кург.1, погр.1; 5 – Яснозорье, кург.2, погр.2; 6 – Песочин, кург.32; 7 – Малая Лепетиха, кург.9, погр.4.

Канторович, 1998: 164). Одной из разновидностей этой абстракции являются «восьмерковидные» вставки на лопатках львов и быков рельефов Персепольского дворца (Переводчикова, 1994: 131-132, рис.17, 6, 7; Канторович, 1994: 73)⁸, послуживших образцами для многочисленных произведений прикладного искусства. Подражанием упомянутому изобразительному элементу являются сдвоенные круглые значки, украшающие лопатки оленей на золотых пластинах чаш из бокового погребения Солохи⁹. Изображения эти (рис.2, 3) типологически близки братолюбовским, хотя и отличаются рядом деталей, прежде всего манерой стилизации рогов (Манцевич, 1987: 68, кат.46, 1-ый вариант; Канторович, 1998, табл.1, 1)¹⁰. У оленей братолюбовского ритона двухчастная вставка воспринимается уже как чисто декоративный элемент, даже по расположению — в верхней части лопатки — не связанный с мускулатурой.

В целом же братолюбовские олени, как и олени из Солохи, наследуют изобразительную схему 1-ой половины V в. до н.э., представленную на золотых накладках деревянного сосуда из Ак-Мечети (рис.2, 1), включая такие детали как мотив «дробной лопатки», внутренний контур бедра, приподнятое над головой основание рогов (Манцевич, 1966: рис.6, 13). Этот же образ — на золотых накладках чаш из I Завадской Могилы (рис.2, 2) последней трети V в. до н.э. и IV Испановой Могилы, из них последний ближе к братолюбовскому (Мозолевский, 1980: рис.83 и 47). Более близки братолюбовским олени на золотых накладках чаш (рис.2, 4, 5) из погреб. 1 кургана 1¹¹ и

погреб. 2 кургана 2 у с.Яснозорье конца V в. до н.э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994: 47, 49, 51, рис.2, 4; 3, 2). Олень на пластинке из кургана 1, в свою очередь, чрезвычайно близок оленю на золотом налобнике из кургана 401 у с. Журовка, комплекс которого датирован 1 пол. V в. до н.э. (Петренко, 1967: 82, табл.28, 3). Дальнейшей стилизацией «ак-мечетского» образца является золотая пластинка из кургана 32 Песочинского могильника, комплекс которого датирован 2-3 четвертями IV в. до н.э. Сама же пластинка отнесена ко 2-ой четверти столетия (рис.2, 6). Оттиск нечеткий, но схожи позы оленей, пропорции их туловищ, общий контур рогов с тремя большими ветвями (Бабенко, 2005: 168, 170, рис.38, 2). Это изображение, пожалуй, ближе всего к братолюбовским оленям, хотя и составляет один вариант с яснозорскими (разворот влево, ребра).

Практически полной аналогией оленю на братолюбовском ритоне являются упоминавшиеся уже изображения на золотых пластинках чаши №3 из тайника северной катакомбы Гаймановой Могилы¹². Совпадают в деталях рисунок рогов, степень изогнутости ног, форма морды и хвоста, все пропорции туловища (рис.1, 2). Но самое главное — братолюбовские и гаймановские изображения совпадают в размерах. При промерах фигур по крайним точкам расхождения составляют 1-2 мм, причем эти различия наблюдаются и между изображениями на четырех гаймановских пластинках и двух (сохранившихся) братолюбовских. Среди них нет двух совершенно идентичных оттисков. Можно утверждать,

⁸ Под влиянием искусства ахеменидского Ирана приемы выделения лопатки и бедра животного значками «точка с запятой» («яблоко и груша») широко распространились в искусстве Алтая и Южного Приуралья V—IV вв. до н.э. (Переводчикова, 1994: 131-132, рис.16 и 17; Королькова, 1995: 85, рис. 4, 7, 8).

⁹ Ср. также с оформлением лопатки кабана на золотых пластинах из кург. 5 у с.Архангельская Слобода (Лесков, 1972: 56-59, илл.37), синхронного Солохе, то есть 1-ой четверти IV в. до н.э.

¹⁰ Эта изобразительная схема, особенностью которой являются близкий к квадрату контур фигуры и «веерообразные» рога, представлена в ряде комплексов начала и 2-ой четв. IV в. до н.э.: кургане в окрестностях Пастырского городища (Петренко, 1967: 95, табл.19, 26, 28), кургане 2 Песочинского могильника (Бабенко, 2005: 160, рис.4, 12), кургане у с.Дарьевка (Бобринский, 1894, табл.X, 2) и ряде других.

¹¹ Курган 1 был исследован С.А.Скорым.

¹² В публикации 1971 года (Бідзіля, 1971: рис.5) пластина дана в «зеркальном» изображении, на самом деле все четыре оленя, как и на братолюбовских накладках, повернуты вправо.

что братолюбовские и гаймановские олени сделаны одним (слегка подправленным?) штампом или же двумя штампами, изготовленными по одному образцу, как, например, солохские бляшки 1 и 2 вариантов (*Манцевич, 1987, кат.46, с.67*). Следовательно, даты изготовления братолюбовского и гаймановского ритонов должны быть предельно близкими, что, в свою очередь, позволяет предполагать временную близость захоронений, где они найдены. Гаймановские пластины лучшей сохранности по сравнению с братолюбовскими, но они сделаны более сработанным штампом. «Размыты» контуры некоторых отростков рогов, а также копыт, сами рога «висят» над головой. Еще одно отличие – в верхней части лопатки гаймановского оленя, также разделенной на две неравные половины, помещена вставка, но одночастная, каплевидной (бутоновидной) формы.

Комплекс Гаймановой Могилы, содержащий амфорный и другой импортный материал, был датирован вскоре после открытия «серединою, а точнее началом второй половины IV в. до н.э.» (*Бідзіля, 1971: 55*). Эту дату называют и сейчас – как в отношении всего кургана в целом, так и северной могилы, содержавшей наибольшее количество инвентаря. В частности, здесь найдена фасосская амфора с клеймом 340-320 гг. до н.э. по хронологии Ю.Г.Виноградова (*Алексеев, 2003: 263 и прим.318*, здесь же о датировках С.Ю.Монахова по амфорному материалу Гаймановой Могилы в целом). А.Ю.Алексеев помещает северную катакомбу Гаймановой Могилы в начало пласта Б III группы памятников классической культуры Скифии, что соответствует времени от середины IV в. до н.э. и выше (*Алексеев, 2003: 276, 277*). Для кургана в целом допускается дата 360-325/320 гг. до н.э. (*Алексеев, 2003: 286, 296*). В настоящее время

С.В.Полин, подготовивший монографическое исследование по всему кургану, датирует северную гробницу Гаймановой Могилы 360-350 гг. до н.э., а центральную гробницу – временем около 390 г. до н.э. В интервале между этими комплексами помещены два других впускных погребения этого кургана (*Полин, 2009*). Таким образом, братолюбовские и гаймановские пластины, вышедшие, судя по всему, из одной мастерской, имеют в качестве верхнего временного предела конец 2-ой четверти IV в. до н.э. Что касается нижнего предела, то стилистические особенности изображения братолюбовского и гаймановского оленей указывают на их близость к изделиям «периода Солохи», то есть 1-ой четверти IV в. до н.э. Впрочем, пластинки в виде лежащего оленя, весьма близкие солохским, найдены в курганах у с. Дарьевка (*Бобринский, 1894, табл. X, 2*) и кургане 22 Песочинского могильника¹³, датированных по античной керамике 2-ой четвертью IV в. до н.э. (см. *Бабенко, 2005: 168, рис.31, 5*). Следует отметить, что братолюбовские и гаймановские олени не выглядят «моложе» солохских, скорее наоборот – первые ближе к исходным образцам V в. до н.э. Вероятно, все дело в традициях различных мастерских¹⁴. Период 2-ой четверти IV в. до н.э. – это время, когда «затухают» многие проявления классической культуры Скифии V в. до н.э., в том числе традиция изготовления сосудов с накладными металлическими пластинами. Их нет ни в одном надежно датированном комплексе Приднепровья 2-ой половины IV в. до н.э. Поскольку братолюбовская и гаймановская пластины – ярко выраженные накладные украшения, и учитывая стилистическую их близость к образцам конца V – 1-ой четверти IV вв. до н.э., а также время захоронения в северной гробнице Гаймановой Могилы, можно

¹³ Пластинка из кургана 32 Песочинского могильника (рис.2, б) показывает, что вариант «акмечетского» образа оленя, представленный на братолюбовском ритоне, также доживает примерно до этого времени. Комплекс этого кургана датирован 2-3 четв. IV в. до н.э., причем нижний хронологический рубеж – время изготовления пластины как накладного украшения, а верхний – время помещения его в захоронение уже как украшения нашивного (*Бабенко, 2005: 130, 170*).

¹⁴ Солохские пластины, вероятно, изготовлены не греческим мастером в каком-то центре в северной части Скифии (происходят преимущественно с территории лесостепи). Не исключено, что условность изображения обусловлена небольшими размерами пластинок (2,4х2,5 см и т.д.)

предположить, что они были изготовлены не позже конца 1-ой – начала 2-ой четвертей столетия¹⁵. Концом 2-ой четверти – серединой IV в. до н.э. можно датировать нашивные пластинки несколько иного типа (рис.2, 7) из погр. 4 кургана 9 у с. Малая Лепетиха (*Вітрик, Данилко, 2002, рис.6*)¹⁶. Образ лежащего оленя представлен и на однотипных прямоугольных бляшках 3-ей четверти

IV в. до н.э. (Деев курган, Шульговка, Будки), заметно отличающихся от упомянутых выше¹⁷ (*ОАК 1897: 74, №54; Онайко, 1970: табл.XLII, 498d, 812b*). Что касается даты захоронения в центральной гробнице Братолюбовского кургана, то оно, учитывая период бытования ритона, который вряд ли был долгим, вполне могло быть совершено в пределах 2-ой четверти IV в. до н.э.

Литература

Алексеев, 2003 – Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб.

Бабенко, 2005 – Бабенко Л.И. Песочинский курганный могильник скифского времени. – Харьков.

Бідзіля, 1971 – Бідзіля В.І. Дослідження Гайманової Могили // Археологія. 1971. №1.

Бобринский, 1894 – Бобринский А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. – Т.П. – СПб.

Брашинский, 1980 – Брашинский И.Б. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н.э.

Вітрик, Данилко, 2002 – Вітрик І.С., Данилко Н.М. Поховання знатної скіфянки у «Великому кургані» М.І.Веселовського // МЧ. –К.

Власова, 2000 – Власова Е.В. Скифский рог // Античное Причерноморье. СПб.

Ермолова, 1980 – Ермолова Н.М. К вопросу об интерпретации изображений животных // ССКИЕ. Кемерово.

Золото Степу, 1991 – Золото Степу. Археологія України. – Київ-Шлезвіг.

Канторович, 1994 – Канторович А.Р. Образ оленя в искусстве звериного стиля степной Скифии // ПССА. – Запорожье.

Канторович, 1998 – Канторович А.Р. К вопросу о переднеазиатском влиянии на звериный стиль степной Скифии // ВДИ. – 1998. №3.

Кац, 1992 – Кац В.И. Принципы использования керамических клеев в качестве датирующего материала скифских погребальных сооружений // Киммерийцы и скифы. Тез. докл. Мелитополь.

Кисель, 1997 – Кисель В.А. Священная секира скифов. СПб.

Ковалев, Полин, 1991 – Ковалев Н.В., Полин С.В. Скифские курганы у с.Корнеевка Запорожской области // Курганы степной Скифии. – К.

Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1994 – Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Новые погребения раннего железного века в Поросье // ДС. – К.

Королькова, 1995 – Королькова Е.Ф. К вопросу об атрибуции Ставропольского (Казинского) клада // АСГЭ. – Вып.32.

Кубишев, Ковальов, 1994 – Кубишев А. И., Ковальов М.В. Скiфський Братолюбiвський курган на Херсонщині // Археологія. 1994. №1.

¹⁵ В качестве хроноиндикатора можно, вероятно, использовать значки на лопатках животных. В искусстве Скифии они характерны для 1-ой трети IV в. до н.э. В рамках этого периода совершены впускное захоронение Солохи, синхронное ему захоронение в кург.5 у с. Архангельская Слобода (значки на лопатке кабана), а также захоронения Бердянского кургана (см. *Мозолевский, Полин, 2005: 362*), где фигура хищника (костяной гребень) имеет каплевидную вставку на лопатке (*Чередниченко, Мурзін, 1996: рис.3*), подобно гаймановскому оленю.

¹⁶ Авторы публикации датируют его 2-й четвертью IV в. до н.э. по типу ювелирных украшений (*Вітрик, Данилко, 2002: 143*), однако, судя по амфорам Менды, это 2-я четверть – середина IV в. до н.э. (*Брашинский, 1980: III, №46*). К тому же, сам олень, снабженный «бородой», напоминает оленя бронзового навершия из Чмыревой Могилы (*СК, 1986: №273*), помещаемой в один горизонт с северной гробницей Гаймановой Могилы (*Алексеев, 2003: 277, 296*), то есть в конец 2-ой четверти – середину IV в. до н.э. Кстати, олень-навершие имеет на лопатке стилизованный двухчастный значок, что сближает его с братолюбовским оленем и подтверждает факт «доживания» в этот период в изобразительном искусстве некоторых приемов периода Солохи и Бердянского кургана.

¹⁷ Этот вариант можно считать стилизацией образа, представленного в начале IV в. до н.э. на бронзовых навершиях из восточной могилы Бердянского кургана и к.5 у с. Архангельская Слобода (*Чередниченко, Фиалко, 1988: рис.6, 1, 2; Лесков, 1972: илл.36*). У него короткая шея и массивный рог, ниспадающий на спину и заканчивающийся короткими заостренными отростками.

- Лесков, 1972* – Лесков А. Новые сокровища курганов Украины. – Л.
- Манцевич, 1957* – Манцевич А.П. Ритон Талаевского кургана // ИАДК. Киев.
- Манцевич, 1966* – Манцевич А.П. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. Вып.8.
- Манцевич, 1987* – Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. – Л.
- Мозолевский, 1980* – Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г.Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972-1975 гг.) // Скифия и Кавказ. – К.
- Мозолевский, Полин, 2005* – Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). Киев.
- ОАК 1897* – СПб., 1900.
- Ольховский, Евдокимов, 1994* – Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. К.
- Онайко, 1970* – Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. (САИ Д1-27).
- Переводчикова, 1994* – Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. – М.
- Петренко, 1967* – Петренко В.Г. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. – М. (САИ Д1- 4).
- Полин, 2009* – Полин С.В. О датировке Гаймановой Могилы // ПССА. – Запорожье.
- Трейстер, 2005* – Трейстер М.Ю. Серебряная посуда из Соболевой Могилы // Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Бабина, Водяна и Соболева Могилы). К.
- Чередниченко, Фиалко, 1988* – Чередниченко Н.Н., Фиалко Е.Е. Погребение жрицы из Бердянского кургана // СА. – 1988. – №2.
- Чередниченко М.М., Мурзін В.Ю. Основні результати дослідження Бердянського кургану // Археологія. – 1996. №1.
- SK, 1986* – Skythische Kunst. Altertümer der scythischen Welt mitte des 7. bis 3. Jahrhundert v. u.Z. – Leningrad.
- Dal mille al mille, 1995* – Dal mille al mille. Tesori e popoli dal Mar Nero. – Milano.